

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Л. Г. Каяниди
г. Смоленск, Россия

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ СКАЗКИ О ПРЕВРАЩЕНИЯХ: СЕМИОТИЧЕСКИЕ, НАРРАТИВНЫЕ И ЖАНРОВЫЕ ПАРАДОКСЫ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
научного проекта «Фольклорное наследие Смоленщины
в записях белорусских и русских исследователей», №17-24-23001

Аннотация: В корпусе восточнославянских сказок выделяется сюжет о превращении в зооморфное существо, как правило в кукушку. Он примечателен своей семиотической, нарративной и жанровой сложностью и даже парадоксальностью. Его анализ позволяет увидеть некоторые ареальные особенности русских, белорусских и украинских сказочных сюжетов. Наш анализ построен на основе пост-пропповской структуралистской методики. Особенностью семантики сюжетов о превращениях является то, что в их основе лежит семейно-бытовая коллизия. Основным мотивом зооантропоморфного превращения становится предательство членов семьи (матерью — дочери, дочерью — отца, женой — мужа). Эта семейно-бытовая коллизия осложнена мифологическим элементом: обманутый герой-жертва является хтоническим существом: лешим, змеем, жуком. Рассматриваемый сюжет о превращениях характеризуется тем, что можно назвать структурной «деформацией»: инициальное событие сказки, похищение девушки демоническим существом в хтонический мир, является «нулевой» недостатчей, создающей условия для проявления подлинного антагониста, но не компенсируемой финальным событием, а убийство зооантропоморфного мужа — недостатчей истинной, которая компенсируется с помощью превращения в животное. Это финальное действие ликвидирует недостачу асимметричным образом. Оно представляет собой не убийство вредителя или не воскрешение мужа, а превращение в существ, подобных мужу. Это превращение является медиацией в леви-стрессовском смысле. В его основе лежит логика бриколажа — устранение конфликта непрямым путем, «отскоком». Место традиционного доминирования героя над вредителем занимает утверждение новой оппозиции, которая заключается в сфере животного и снимает первоначальную, — «кукушка (жизнь, вдова) — змей (смерть, убитый муж)».

Ключевые слова: волшебная и бытовая сказка, трансформация, сюжет, мотив, структура, актанты, нарратив, бинарная оппозиция, бриколаж, мифологизм.

Информация об авторе: Леонид Геннадьевич Каяниди — кандидат филологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, 214000 г. Смоленск, Россия. E-mail: leonideas@bk.ru

Дата поступления статьи: 19.06.2017

Дата публикации: 15.12.2017

Восточнославянская сказка отличается высокой степенью сюжетно-тематического единства. В «Сравнительном указателе сюжетов восточнославянской сказки» (СУС) [16] представлено несколько сотен сюжетов, родственных для русских, белорусов и украинцев. Большинство из них практически идентичны и отличаются друг от друга только на предметно-образном уровне. Так, сказки типа «дети в плену у лесного демона» отличаются только вариантом антагониста, которым становятся Морозко, Баба Яга, Леший, медведь либо лошадиная голова. Однако есть сюжетные типы, которые отличаются большим мотивно-сюжетным разнообразием. Один из них — сказки о превращении человека в зооморфное существо, главным образом в кукушку. В СУС этому сюжету присвоен номер 425М. Мы выбрали его для анализа, во-первых, в силу его семиотической, нарративной и жанровой сложности и даже парадоксальности, а во-вторых, чтобы на примере замкнутой и цельной группы сюжетов выдвинуть гипотезу об ареальных сходствах и отличиях сказочного фольклора русских, белорусов и украинцев.

Свой анализ мы строили на основе пост-пропповской структуралистской методики, разработанной Е. М. Мелетинским, С. Ю. Неклюдовым, Д. М. Сегалом и Е. С. Новик [5].

I. Русские сюжеты

Русские метаморфозные сказочные сюжеты имеют идентичную актантную структуру, для которой особую важность приобретает оппозиция подлинного и мнимого. Протагонистом в них выступают дочь, мать героини (теща) одновременно является вредителем и мнимым помощником, а муж дочери (он имеет зооморфный, как правило змеиный, облик и обладает способностью к оборотничеству) совмещается в себе искомого персонажа, волшебного помощника и мнимого вредителя.

Во всех русских сказках о превращениях в кукушку (см. таблицы 1–4) блоку действий, ведущих к недостатке ($-E -L$), предшествует расширенная исходная ситуация, обладающая свойствами блока ($-E -L$), поэтому на схемах она обозначается нами как ($-E^0 -L^0$). Ее семантическое наполнение таково. Змей (или жук) вползает в платье девушки, которая приходит на озеро купаться¹. Это событие обозначается как вторжение животного мира в человеческий (животное \rightarrow человеческое). Змей слезает с платья девушки только в обмен на ее обещание выйти за него замуж. Это действие необходимо оценивать не только ситуативно, но и исходя из общего контекста всей сказки. Ситуативно это подвох и пособничество ($-\alpha_1 \beta_1^m$). На побуждение к действию (caus) она отвечает положительно (opet) и терпит урон (min), так как должна покинуть родительский дом и отправиться в подводный мир (caus \rightarrow opet \rightarrow min). Однако в контексте всего сюжета это не подвох/пособничество, а предписание и его исполнение ($\alpha_1 \beta_1^m$). На побуждение к действию героиня отвечает положительно и обретает мужа (caus \rightarrow

¹ Проникновение змея (или жука) в одежду девушки указывает на то, что этот контакт является символическим аналогом сексуальной связи. Не случайно избавиться от ужа на одежде можно, только дав согласие на брак. Ср. схожий пример из «Золотой ветви» Дж. Фрейзера: «У южных славян бесплодная женщина, желающая иметь ребенка, в канун дня святого Георгия вешает на плодородное дерево новую сорочку. На следующее утро она до восхода солнца тщательно осматривает сорочку, и, если оказывается, что по ней проползло какое-то живое существо, женщина питает надежду, что в течение года желание ее исполнится» [17, с. 141].

oper → plus), с которым ей живется лучше, чем в родительском доме. Таким образом, это мнимые подвох и пособничество, а в действительности — предписание и исполнение. Совмещенность в описываемом событии двух пар функций выражается формулой: $\{-\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{min}\} = \{\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}\}$. Сказка дает и иной материал для интерпретации данной формулы. Считать ли действие героини пособничеством вредителю или исполнением предписания помощника, зависит также от точки зрения: для матери — это пособничество вредителю, который отнимает у нее дочь; для девушки — это исполнение предписания, которое ведет к обретению волшебного помощника — жениха, который помогает избавиться от злокозненной матери (поэтому у нас есть основания считать, что исходная ситуация сказки наделена чертами не только действий, ведущих к недостатке, но и предварительного испытания ($\epsilon\lambda$)).

Венчается исходная ситуация «нулевой» недостатчей ($-L^0$), которая выражается с помощью двух сказочных предикатов — доминирования (dom) и перемещения (mov): змей берет девушку в жены (животное dom человеческое) и уводит ее в подводное царство (человеческое mov животное).

Действия, ведущие к недостатку ($-E$), включают в себя временное возвращение героини вместе с детьми в гости к матери ($-ab$). Мать выведывает у дочери заклинательную формулу того, как вызвать ее мужа из озера (это — выведывание/выдача: $-\alpha_1\beta_1^i$), а затем убивает зятя (это — вредительство: W). Мотивация убийства в разных сказках почти тождественная: мать надеется, что, лишившись мужа, дочь останется с ней, либо злится на слова дочери, что с мужем ей живется лучше, чем в родительском доме, либо боится, что, если дочь родит еще одного ребенка, зять превратится в человека и дочь останется с ним навсегда. Недостатком ($-L$) в русских сказках становится потеря героиней мужа: чужое (человеческое, мать) dom свое (животное, муж).

В русских сказках основным испытанием (EL), компенсирующим недостаток, становится превращение героини и ее детей в животных (человеческое trans животное), как правило птиц, причем сама героиня чаще всего становится кукушкой, а ее дети — голубем, ласточкой, соловьем, трясогузкой, лебедем либо раком.

Таблица 1 – Функционально-семантическая схема сказки «Озерный жук — жених» [6]
Table 1 – Functional-semantic scheme of the fairy tale “The lake beetle — the Bridegroom”

$-E^0 (\epsilon)$	$-L^0 (\lambda)$	$-E$	$-L$	$E L$
<p>Животное mov человеческое Жук ложится на платье девушки $\{-\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{min}\}$ $=\{\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}\}$ Жук слезает с платья только в обмен на обещание девушки выйти за него замуж.</p>	<p>Животное dom человеческое Человеческое mov Животное Девушка вступает в брак с жуком и уходит в озерное царство. Мать воспринимает это как смерть дочери.</p>	<p>$-ab$ (девушка отправляется из озера в гости к матери) $-\alpha_1\beta_1^i$ Мать выведывает у дочери заклинательную формулу того, как вызвать ее мужа-жука из озера W Убийство зятя тещей.</p>	<p>Чужое (человеческое, мать) dom свое (животное, муж) Мать убивает мужа дочери в надежде, что дочь останется у нее.</p>	<p>Человеческое trans животное Дочь превращает своих детей в голубя и ласточку, а сама превращается в кукушку.</p>

Таблица 2 — Функционально-семантическая схема сказки «Про раков» [10]
Table 2 – Functional-semantic scheme of the fairy tale “About the crawfish” [10]

– E ⁰ (ε)	– L ⁰ (λ)	– E	– L	E L
<p>Животное тов человеческое Змей крадет платье девушки –$\alpha_1\beta_1^m = \text{caus}$ → орег → min Змей возвращает платье только в обмен на обещание девушки выйти за него замуж.</p>	<p>Животное dom человеческое Человеческое тов Животное Девушка выходит замуж за змея и удаляется в его царство.</p>	<p>–ab (девушка отправляется из озера в гости к матери) – $\alpha_1\beta_1^i$ Мать выведывает у дочери заклинательную формулу того, как вызвать змея из озера W Убийство зятя тещей.</p>	<p>Чужое (человеческое, мать) dom свое (животное, муж дочери) Мать убивает мужа дочери в надежде, что дочь останется у нее.</p>	<p>Человеческое trans животное Дочь превращает своих детей в рака и трясогузку (плишку), а сама превращается в кукушку.</p>

Таблица 3 — Функционально-семантическая схема сказки «Парень-гад» [7]
Table 3 – Functional-semantic scheme of the fairy tale “Lad-sod” [7]

– E ⁰	– L ⁰	– E	– L	E L
<p>Животное тов человеческое Змей ложится на платье девушки {–$\alpha_1\beta_1^m = \text{caus}$ → орег → min} = {$\alpha_1\beta_1^m = \text{caus}$ → орег → plus} Уж слезает с платья только в обмен на обещание девушки выйти за него замуж.</p>	<p>Животное dom человеческое Девушка вступает в брак со змеем.</p>	<p>– $\alpha_1\beta_1^i$ Мать выведывает у дочери заклинательную формулу того, как вызвать ее мужа-змея из озера W Мать убивает мужа дочери накануне того, как он мог избавиться от проклятия превратиться в змея.</p>	<p>Чужое (человеческое, мать) dom свое (животное, муж) Мать убивает змея и тем лишает дочь возможности обрести его в человеческом облике.</p>	<p>Человеческое trans животное Дочь превращает своих детей в белых лебедей, а сама превращается в кукушку.</p>

Таблица 4 — Функционально-семантическая схема сказки «Про ужака» [11]
Table 4 – Functional-semantic scheme of the fairy tale “About the viper snake” [11]

– E ⁰	– L ⁰	– E	– L	E L
<p>Животное тов человеческое Ужак ложится на платье девушки {–$\alpha_1\beta_1^m = \text{caus}$ → орег → min} = {$\alpha_1\beta_1^m = \text{caus}$ → орег → plus} Уж слезает с платья только в обмен на обещание девушки выйти за него замуж.</p>	<p>Животное dom человеческое Человеческое тов Животное Ужи силой забирают девушку из родительского дома и отводят в озерный мир, где они превращаются в людей.</p>	<p>–ab (девушка отправляется из озера в гости к матери) – $\alpha_1\beta_1^i$ Мать выведывает у дочери заклинательную формулу того, как вызвать ее мужа из озера W Убийство зятя тещей.</p>	<p>Чужое (человеческое, мать) dom свое (животное, муж) Мать убивает мужа дочери из зависти (дочь говорит, что жить с мужем ей лучше, чем в родительском доме).</p>	<p>Человеческое trans животное Дочь превращает своих детей в подкрапивницу и соловья, а сама превращается в кукушку</p>

Промежуточное место между северно- и среднерусскими сказками, с одной стороны, и белорусскими, с другой, занимает текст из «Смоленского этнографического сборника» В. Н. Добровольского «Происхождение соловья, кукушки, лягушки. Козни лютой тещи, убийство нелюбимого зятя» (см. таблицу 5). С белорусским ареалом смоленскую сказку сближает, во-первых, имплицитивность мифологического элемента, и, во-вторых, обогащение основного испытания предикатом доминирования в дополнение к превращению.

В исходной ситуации героиня выходит замуж не за демоническое существо, а за человека — лесничего. Однако за человеческим обликом угадывается лесной дух — леший, потому что место его обитания нечистое — болото.

Венчается «нулевая» недостача доминированием чужого (мужнего и демонического) над своим (связанным с матерью, человеческим). Героиня становится лесничихой и теряет связь с внешним миром.

Действием, ведущим к недостаче, становится выведывание/выдача ($-\alpha_1\beta_1^i$): теща выспрашивает своих внуков, где укрывается их отец. Сын отрицательно реагирует на просьбу указать место, где находится убежище его отца (caus \rightarrow (- oper) \rightarrow plus). А дочь выдает это место (caus \rightarrow oper \rightarrow min). Таким образом, дочь ведет себя не по-семейному, предаёт родную семью, из своей превращаясь в чужую (своё trans чужое). Теща убивает своего зятя (W), и недостачей (-L) становится потеря дочерью мужа: чужое (теща) dom свое (муж). Ликвидацией недостачи в сказке становится наказание лесничихой своей дочери-предательницы: своё (жена) dom чужое (дочь). Превращение (человеческое trans животное) становится формой компенсации недостачи: лесничиха превращается в кукушку, ее сын — в соловья, а ее дочь — в лягушку (животное низшего мира).

Таблица 5 — Функционально-семантическая схема сказки «Происхождение соловья, кукушки, лягушки. Козни лютой тещи, убийство нелюбимого зятя» [8]

Table 5 – Functional-semantic scheme of the fairy tale

“The origin of the nightingale, cuckoo, frog. The wiles of a cruel mother-in-law, the murder of an unloved son-in-law” [8]

- E ⁰	- L ⁰	- E	- L	E L
Своё тов чужое Дочь выходит замуж за лесничего, уходит жить в дремучий лес, оставляет мать.	Чужое dom своё Дочь становится лесничихой, теряет связь с внешним миром.	$-\alpha_1\beta_1^i$ Брат: caus \rightarrow (- oper) \rightarrow plus Не раскрывает бабушке тайну, как пробраться к хижине отца Сестра: caus \rightarrow oper \rightarrow min Раскрывает тайну Своё trans чужое Дочь предаёт родителей W Убийство зятя-лесника тещей.	Чужое (теща) dom свое (муж) Теща убивает мужа дочери.	Своё (жена) dom чужое (дочь) Мать наказывает дочь-предательницу, превращая её в лягушку Человеческое trans животное Сын — соловей, Мать — кукушка, Дочь — лягушка.

II. Белорусские сюжеты

Белорусские сюжеты о превращениях демонстрируют большую верность сюжетно-синтагматическому канону сказки. В них нет «нулевого» блока недостачи; подвох и пособничество не накладываются на предписание и исполнение.

В белорусской сказке «Зяюля, соловей и лягашка» (см. таблицу 6) единственный раз в восточнославянском сюжете о превращениях в кукушку действием, ведущим к недостатке, становится нарушение запрета: $(- \alpha) \beta$. Якуб просит жену не говорить, где она живет, с кем и кто ее муж. Однако она рассказывает все своим братьям, а также кукованием вызывает мужа: подвох/пособничество $(- \alpha_1 \beta_1^m)$.

Недостачей становится убийство Якуба братьями его жены: свое (человеческое, братья) *dom* чужое (нечеловеческое, муж). Превращение действующих лиц в птиц предстает не в виде трансформации, а в виде доминирования героя над антагонистами. Якуб превращает жену в кукушку (которая вечно зовет мужа), дочь — в лягушку (которая вечно поддакивает матери), а сына — в соловья (который вечно молчит и только поет по ночам).

Обращает на себя внимание семантическая инверсия членов оппозиции «свой — чужой» при движении сюжета от блока недостачи $(-E - L)$ к блоку основного испытания $(E L)$. Если вначале своими предстают братья сестры, а чужим — лесной житель, демонический муж-змея, то потом оппозиция оборачивается: обманутый муж предстает как свой, а братья — как чужие. Даже муж-оборотень, при всех своих недостатках, ближе жене, чем ее братья. Поэтому она должна была беречь его тайну, что должно было в перспективе (если судить по другим вариантам сюжета) привести к его обратному превращению в человека.

Необходимо также отметить изменение актантажной структуры: протагонистом сказки становится герой-оборотень Якуб, а не его жена, антагонистами — жена, дети и братья жены.

Таблица 6 — Функционально-семантическая схема сказки «Зяюля, соловей и лягашка» [2]

Table 6 – Functional-semantic scheme of the fairy tale “Cuckoo, Nightingale and Frog” [2]

- E	- L	E L
<p>$(- \alpha) \beta$ Муж-змея Якуб просит жену не говорить, где она живет, с кем и кто ее муж. Однако дура баба рассказывает все своим братьям. Дочка добавляет, а сын молчит $(- \alpha_1 \beta_1^m)$ Братья идут провожать сестру, а она кукованием вызывает мужа.</p>	<p>Свое (человеческое, братья) <i>dom</i> чужое (нечеловеческое, муж) Братья убивают Якуба.</p>	<p>Свое (жена) <i>trans</i> чужое (связанное с братьями) Свое (нечеловеческое, муж) <i>dom</i> чужое (человеческое, жена и дети) Якуб превращает жену в кукушку, дочь — в лягушку, а сына — в соловья.</p>

Сказку «Зяюля, сокол и лягашка» (см. таблицу 7) роднит со сказкой «Зяюля, соловей и лягашка» имплицитность мифологического элемента, которая, по всей видимости, специфична именно для белорусского ареала. Герой сказки Якуб не просто человек, с хтоническим миром его роднит связанность с подполом. По белорусским поверьям, в подполе живет домовый уж [14, с. 104]. Вредителями здесь предстают раз-

бойники и дочь Якуба, которая выдает местонахождение отца: это — выведывание/выдача ($-\alpha_1\beta_1^i$). Формой компенсации недостачи становится наказание дочери-предательницы — превращение ее в лягушку, животное низшего мира. Превращение матери и сына в кукушку и сокола противопоставляется превращению дочери как форма их доминирования над вредителем.

Таблица 7 — Функционально-семантическая схема сказки «Зяюля, сокол и лягушка» [1]
Table 7 – Functional-semantic scheme of the fairy tale “Cuckoo, Falcon and Frog”

-E	-L	E L
<p>Чужое тов своё Разбойники пробираются в дом Якуба, который прячется в подполе.</p> <p>($-\alpha_1\beta_1^i$) Сын: ($-\text{inf}$) → plus Не раскрывает тайну, где находится отец. Дочь: inf → min Раскрывает тайну.</p>	<p>Чужое dom своё Убийство Якуба.</p>	<p>Своё dom чужое Мать наказывает дочь-предательницу, превращая её в лягушку (животное низшего мира)</p> <p>Человеческое trans животное Сын — сокол, Мать — кукушка, Дочь — лягушка.</p>

III. Украинские сюжеты

Таблица 8 — Функционально-семантическая схема «Рассказов о превращениях. Близнецы превращаются в соловья и кукушку» [12]
Table 8 – Functional-semantic scheme of the fairy tale “Stories about transformations. Twins turn into a nightingale and a cuckoo” [12]

-E	-L	E	L
<p>Человеческое тов животное Девка уходит с ужом под землю, в хрустальный дворец W Мать хочет убить дочь.</p>	<p>Чужое (мать) dom своё (дочь).</p>	<p>ab Дочь возвращается к матери Своё (человеческое) trans чужое (нечеловеческое) Дочь превращается в крапиву, ее сын — в соловья, а ее дочь — в кукушку.</p>	<p>L₃ Спасение протагониста от смерти.</p>

Таблица 9 — Функционально-семантическая схема сказки «Кукушка» [3]
Table 9 – Functional-semantic scheme of the fairy tale “Cuckoo” [3]

-E	-L	E	L
<p>Чужое тов своё Уж выходит в мир людей.</p>	<p>Чужое (животное) dom своё (человеческое) Девушка вступает в брак с ужом.</p>	<p>A₂B₂ Муж зовёт её в своё подводное царство, девушка отказывается.</p> <p>Своё trans чужое (жена ведёт себя как чужая по отношению к мужу).</p>	<p>Своё dom чужое Муж-уж проклинает жену за непослушание. Девушка превращается в кукушку. Становится вдовой по своей вине.</p>

Особенностью украинских сюжетов становится четкая дифференциация блока основного испытания: действия, ведущие к ликвидации недостачи, отделяются от собственно самой ликвидации, которая мыслится либо как спасение протагониста, либо как наказание предателя. В сказке «Кукушка» единственный раз в сюжетах о превращениях появляются действия, специфически характерные для блока основного испытания (Е). Муж-змея зовет свою жену в подводное царство, но она отказывается: это — задача и ее решение (A_2B_2). Таким образом, она ведет себя как чужая по отношению к мужу (свое *trans* чужое).

Относительно сказки «Кукушка» необходимо отметить изменение актантажной структуры: змея здесь оказывается протагонистом, а жена — антагонистом.

В результате обзора основных восточнославянских сюжетов о превращениях в кукушку можно сделать следующие **выводы**.

На первый взгляд, сказки о превращениях безоговорочно относятся к волшебным, потому что в них происходят чудесные события: люди превращаются в животных, иногда вступают с ними в брак. Однако еще В. Я. Пропп отмечал, что «не всякие сказки, в которых есть волшебство, относятся к волшебным» [9, с. 195], и анализ синтагматической структуры сказок о превращениях не оставляет сомнений в том, что это **сюжеты не волшебные, а бытовые**, поскольку в них отсутствует предварительное испытание, которое венчается обретением волшебного помощника. Здесь же есть только два синтагматических сюжетных блока — действия, ведущие к беде, и действия, ведущие к компенсации беды.

Особенностью семантики сюжетов о превращениях является то, что в их основе лежит **семейно-бытовая коллизия**. Основным мотивом зооантропоморфного превращения становится предательство членов семьи (матерью — дочери, дочерью — отца, женой — мужа), которые ведут себя не по-семейному: «В этиологических легендах происхождение кукушки <...> является результатом нарушения семейно-родственных или брачных связей и отношений» [13, с. 36]. Специфическим для разных восточнославянских ареалов является только нюансировка семейного конфликта: мать — дочь, дочь — отец, жена — муж. Все эти нюансы указывают на единый конфликт — между родительской семьей и семьей новой, куда вступает (или должна вступить) молодая жена.

Эта семейно-бытовая коллизия осложнена **мифологическим элементом**: обманутый герой-жертва является хтоническим существом: лешим, змеем, жуком. Если он человек, как Якуб в белорусской сказке, то с явным хтоническим прошлым, которое обнажается в том, что герой прячется под полом, т.е. в теллурическом локусе.

В смоленской и белорусских сказках мифологическая основа сказки теряет эксплицированный характер и обретает **символические черты**. Хтонический статус мужа героини выражается опосредованно, через связь с лесом или через нахождение под полом. Мифологическое пространство сближается с человеческим миром. Эта тенденция представляет интерес с точки зрения формирования сказки из мифа: то, что было предметом наивной веры в древности, сохраняется опосредованно, символически.

Мифологическую окраску в сказке имеет также **художественное пространство**. В украинских сказках пространство обнаженно хтоническое — подводное царство. В белорусских присутствует бытовой дериватив хтонического пространства — подпол. В одной из русских сказок хтоническое пространство предстает в своей горизонтальной проекции — болоте.

Каноническая сюжетно-синтагматическая структура сказок строится на оппозиции блока действий, ведущих к недостатке ($-E -L$), блоку основного испытания ($E L$). Рассматриваемый сюжет о превращениях характеризуется тем, что можно назвать **структурной «деформацией»**, которая обуславливается осложненностью семейно-бытовой коллизии мифологическим элементом (контактом человеческого мира с демоническим). Если анализировать только один из вариантов сюжета, не сравнивая его с аналогичными сюжетами в том же самом или других ареалах, то определить, какое событие является действием, ведущим к недостатку, крайне проблематично. Возникает неопределенность, что это — похищение девушки демоническим существом в хтонический мир или убийство зооантропоморфного мужа? Бинарность сказочной структуры подсказывает, что компенсацией недостатка становится превращение героини в птицу, т. е. закрепление связи с чужим, нечеловеческим, животным. Стало быть, недостатком необходимо считать не похищение девушки, а потерю мужа. Как же тогда трактовать начало сюжета о превращениях, где происходит вторжение демонического существа в человеческий мир и увод девушки (насильственный или добровольный) в хтоническое пространство? Очевидно, что это вредительство. Однако оно имеет свою специфику. Во-первых, оно не уравнивается финальным событием сказочного нарратива: превращение героини в птицу нельзя считать компенсацией за ее похищение. Это похищение становится своего рода начальной ситуацией, создающей условия для проявления вредителя: теща убивает зятя за то, что он лишил ее дочери. Во-вторых, это вредительство очевидным образом носит мнимый характер: героиня как будто терпит урон (ее похищают и увлекают в озеро или в лес), но на самом деле она обретает мужа, за которым ей живется лучше, чем в родительском доме. Эта мнимость первого вредительства подчеркивается характерной для бытовых сказок двойственностью точек зрения (мать — дочь), которая проявляется в совмещении сказочных функций (подвох/пособничество и предписание/исполнение: $(-\alpha_1 \beta_1^m) = (\alpha_1 \beta_1^m)$) и, соответственно, сказочных импликаций ($\{caus \rightarrow oper \rightarrow min\} = \{caus \rightarrow oper \rightarrow plus\}$).

Эта структурная «деформация» наиболее четко и последовательно проявляется в русских сказках. В белорусских и украинских она сказывается только в редукации блока основного испытания (совмещении E и L), который представлен результирующим действием — доминированием своего над чужим.

В сказках о превращениях протагонист ликвидирует недостачу действием, несимметрично противоположным действию антагониста. Это не убийство вредителя и не воскрешение мужа, а превращение в существ, подобных мужу. Это превращение становится своеобразной компенсацией, отличной от традиционной для волшебных сказок формы компенсации — доминирования героя над антагонистом. **Превращение здесь есть медиация в леви-строссовском смысле** [4, с. 260–267]. В его основе лежит логика бриколажа — устранение конфликта непрямым путем, «отскоком». Логика бриколажа в рассматриваемом сюжете реализуется в два этапа. Вместо ликвидации антагониста происходит: 1) инверсия оппозиции «свой (связанный с человеческим и матерью) — чужой (связанный с животным миром и мужем)». Теперь связанный с человеческим и матерью оказывается чужим, а связанный с животным миром и мужем — своим. Эта инверсия закрепляется в превращении героини и ее детей в представителей животного мира. Обращает на себя внимание мотив превращения героини в кукушку, остающийся неизменным во всем восточнославянском ареале. Это представляется неслучайным. Кукушка — «одна из наиболее мифологизированных птиц»

[13, с. 36] в славянской мифологической традиции². Медиальный статус кукушки фундируется тем, что она является хтонической птицей: «Она зимует в земле и прилетает весной одновременно с появлением земных гадов. В Полесье отмечено поверье, что уж весной «играет» с кукушкой (брест.)» [13, с. 39]. Это значит, что в рамках инвертированной оппозиции «свой (связанный с животным и мужем) — чужой (связанный с человеческим и матерью)» формируется 2) новая оппозиция, целиком уместяющаяся в сфере животного и снимающая первоначальную, — «кукушка (жизнь, вдова) — змей (смерть, убитый муж)».

В украинских сказках момент медиации редуцирован. Трансформация в них необходима не для формирования альтернативной оппозиции, а лишь в целях этиологии, объяснения происхождения животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Зязюля, сокол и люгашка // Белорусский сборник / собр. Е. Р. Романов. Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина, 1891. Вып. IV: Сказки космогонические и культурные. С. 167–168.
- 2 Зязюля, соловей и лягашка // Белорусский сборник / собр. Е. Р. Романов. Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина, 1891. Вып. IV: Сказки космогонические и культурные. С. 166–167.
- 3 Кукушка // Малорусские народные предания и рассказы. Свод Михаила Драгоманова. Киев: Изд-е Юго-западного отдела Императорского Русского географического общества, 1876. С. 8–9.
- 4 *Левин-Страсс К.* Структурная антропология. М.: АСТ-Астрель, 2011. 541 с.
- 5 *Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. IV. С. 86–135.
- 6 Озерный жук — жених // Сказки Терского берега Белого моря / изд. подг. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. С. 137–139.
- 7 Парень-гад // Сказки и предания Северного края / в записях И. В. Карнауховой. М.: ОГИ, 2009. С. 170.
- 8 Происхождение соловья, кукушки, лягушки. Козни лютой тещи, убийство нелюбимого зятя // Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. СПб.: Тип. Е. Евдокимова. Ч. I. С. 277–278.
- 9 *Пропп В. Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
- 10 Про раков // Великорусские сказки Вятской губернии / собр. Д. К. Зеленина. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1915. С. 333–334.
- 11 Про ужака // Народные русские сказки и загадки, собранные сельскими учителями Тульской губ. в 1862 и 1863 гг. / ред. А. А. Эрленвейна. М.: Типография «Русских ведомостей», 1882. С. 169.
- 12 Рассказы о превращениях. Близнецы превращаются в соловья и кукушку // Записки о Южной Руси / изд. И. Кулиш. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1857. Т. 2. С. 33–34.
- 13 Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 704 с.

² В смоленской традиции, которая считается одной из древнейших в восточнославянском ареале, кукушка освящает хлеб, оставляемый в ночь на Чистый четверг на деревьях или крышах домов [15, с. 181].

- 14 Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. 656 с.
- 15 Смоленский музыкально-этнографический сборник. М.: Индрик, 2003. Т. 1: Календарные обряды и песни. 760 с.
- 16 Сравнительный указатель сюжетов восточнославянской сказки // Ruthenia.ru. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/> (дата обращения: 14.06.2017).
- 17 Фрейзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

© 2017. Leonid G. Kayanidi
Smolensk, Russia

EAST SLAVIC TALES OF TRANSFORMATIONS: SEMIOTIC, NARRATIVE AND GENRE PARADOXES

Acknowledgements: The publication was prepared with the support of RFBR, research project “Folklore heritage of the Smolensk region in the records of Belarusian and Russian researchers”, n 17-24-23001.

Abstract: In the corpus of the East Slavic tales, the story of the transformation into a zoomorphic creature, usually into a cuckoo, stands apart. It is notable for semiotic, narrative and genre complexity and even paradoxicality. Its analysis allows us to see some areal features of Russian, Belarusian and Ukrainian fairy tale plots. Our analysis is based on the post-Propp structural methodology. A peculiarity of the semantics of the plots about transformations stems from the fact that they are based on a family-household collision. The main motive of the zooantropic transformation is the betrayal of family members (mother – by daughter, daughter – by father, wife – by husband). This family-household collision is complicated by the mythological element: the deceived hero-victim is a chthonic creature: a goblin, a serpent, a beetle. The plot of transformations is characterized by what can be called a structural “deformation”: the initial event of a fairy tale, kidnapping of a girl by a demonic creature into a chthonic world, is a “zero” shortage that creates conditions for the manifestation of a genuine antagonist, but not compensated by the final event, and the murder of zooantropic husband is the true shortage, which is compensated by turning into an animal. This final action eliminates the shortage in an asymmetric manner. It is not the murder of the pest or resurrection of the husband, but the transformation into creatures similar to the husband. This transformation is the mediation in the Lévi-Strauss sense. It is based on the logic of bricolage that is the indirect eliminating of the conflict. The place of the traditional domination of the hero over the pest is taken by the new opposition, which consists in the sphere of the animal and removes the original one — “cuckoo (life, widow) — serpent (death, murdered husband)”.

Keywords: fairy and household tale, transformation, plot, motive, structure, actants, narrative, binary opposition, bricolage, mythologism.

Information about the author: Leonid G. Kayanidi — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Literature and Journalism, Smolensk State University, Prgevalsky St., 4, 214000 Smolensk, Russia. E-mail: leonideas@bk.ru

Received: June 19, 2017

Date of publication: December 15, 2017

REFERENCES

- 1 Zjazjulja, sokol i ljugashka [Cuckoo, falcon and frog]. *Belorusskij sbornik* [Belorussian collection], collected by E.R. Romanov. Vitebsk, Tipo-litografija G. A. Malkina Publ., 1891, vol. IV: Skazki kosmogonicheskie i kul'turnye [Cosmogonic and cultural tales], pp. 167–168. (In Belorussian)
- 2 Zjazjulja, solovej i ljugashka [Cuckoo, nightingale and frog]. *Belorusskij sbornik* [Belorussian collection], collected by E. R. Romanov. Vitebsk, Tipo-litografija G. A. Malkina Publ., 1891, vol. IV: Skazki kosmogonicheskie i kul'turnye [Cosmogonic and cultural tales], pp. 166–167. (In Belorussian)
- 3 Kukushka [Cuckoo]. *Malorusskie narodnye predanija i rasskazy* [Little-Russian folk legends and stories], collection by of Mihaila Dragomanova. Kiev, Izdanie Juzo-zapadnogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva Publ., 1876, pp. 8–9. (In Ukrainian)
- 4 Levi-Stross Klod. *Strukturnaja antropologija* [Structural anthropology]. Moscow, AST-Astrel Publ., 2011. 541 p. (In Russian)
- 5 Meletinskij E. M., Nekljudov S. Ju., Novik E. S., Segal D. M. Problemy strukturnogo opisanija volshebnoj skazki [Problems of structural description of fairy tale]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. Tartu, 1969, vol. IV, pp. 86–135. (In Russian)
- 6 Ozernyj zhuk — zhenih [A groom is a lake beetle]. Skazki Terskogo berega Belogo morja [White sea Tersky coast's tales], ed. D. M. Balashov. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 137–139. (In Russian)
- 7 Paren'-gad [A guy-snake]. *Skazki i predanija Severnogo kraja* [Northern land's tales and legends], v zapisjah I.V. Karnauhovej [Recorded by I. V. Karnaukhova]. Moscow, OGI Publ., 2009, p. 170. (In Russian)
- 8 Proishozhdenie solov'ja, kukushki, ljugushki. Kozni ljutoj tjoshhi, ubijstvo neljubimogo zjatja [Origin of the nightingale, the cuckoo, the frog. Machinations of a fierce mother-in-law, murder of an unloved son-in-law]. *Smolenskij jetnograficheskij sbornik* [Smolensk ethnographic collection], collected by V. N. Dobrovolskij. St. Petersburg, Tipografija E. Evdokimova Publ., part 1, pp. 277–278. (In Russian)
- 9 Propp V. Ja. *Russkaja skazka* [Russian tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 416 p. (In Russian)
- 10 Pro rakov [About crayfishes]. *Velikorusskie skazki Vjatskoj gubernii* [Great Russian tales of the Vyatka province], collection of D. K. Zelenina. Petrograd, Tipografija A. V. Orlova Publ., 1915, pp. 333–334. (In Russian)
- 11 Pro uzhaka [About grasssnake]. *Narodnye russkie skazki i zagadki, sobrannye sel'skimi uchiteljami Tul'skoj gub. v 1862 i 1863 gg.* [Folk tales and riddles collected by rural teachers of the Tula province in 1862–1863], ed. by A.A. Jerlenvejna. Moscow, Tipografija Russkih vedomostej Publ., 1882, p. 169. (In Russian)
- 12 Rasskazy o prevrashhenijah. Bliznecy prevrashhajutsja v solov'ja i kukushku [Stories about transformations. Twins transformed into a nightingale and a cuckoo]. *Zapiski o Juzhnoj Rusi* [Notes about Southern Russia], ed. by I. Kulish, St. Petersburg, Tipografija A. Jakobsona Publ., 1857, vol. 2, pp. 33–34. (In Ukrainian)

- 13 *Slavjanskie drevnosti. Jetnolingvisticheski slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.], ed. by N.I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2004. Vol. 3. 704 p. (In Russian)
- 14 *Slavjanskie drevnosti. Jetnolingvisticheski slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.], ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2009. Vol. 4. 656 p. (In Russian)
- 15 *Smolenski muzykal'no-jetnograficheski sbornik* [Smolensk musical and ethnographic collection]. Moscow, Indrik Publ., 2003. Vol.1. Kalendarnye obrjady i pesni [Calendrical rituals and songs]. 760 p. (In Russian)
- 16 Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov vostochnoslavjanskoj skazki [Comparative index of plots of East Slavic tales]. *Ruthenia.ru*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/> (accessed 14 June 2017). (In Russian)
- 17 Frejzer Dzh. Dzh. *Zolotaja vetv'. Issledovanija magii i religii* [Golden bough. Studies of magic and religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1980. 831 p. (In Russian)